

Галстян Н.А. К вопросу об «антимонопольном» регулировании политической конкуренции: конституционно-правовые аспекты. DOI 10.17506/26867206_2022_22_2_40 // Антиномии. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 40–61.

УДК 342.34

DOI 10.17506/26867206_2022_22_2_40

К вопросу об «антимонопольном» регулировании политической конкуренции: конституционно-правовые аспекты

Норик Ашотович Галстян

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

г. Москва, Россия

E-mail: ngalstyan@hse.ru

*Поступила в редакцию 22.12.2021, поступила после рецензирования 15.03.2022,
принята к публикации 18.03.2022*

Статья посвящена одному из аспектов правовой защиты политической конкуренции, связанному с внедрением «антимонопольного» регулирования политики по аналогии с регулированием рыночных отношений в экономической сфере. На основе анализа работ отечественных и зарубежных исследователей автор приходит к выводу о том, что для понимания механизма политической конкуренции допустимо использование экономического подхода. Вместе с тем прямое использование экономического подхода для регулирования конкуренции в политике затруднительно, поскольку связано с методологическими и правовыми проблемами такого регулирования, что требует определения дополнительных средств правовой защиты и обеспечения политической конкуренции. Перспективы регулирования политического рынка в Российской Федерации рассматриваются автором как с опорой на экономический подход, так и с учетом конституционно-правовой природы политической конкуренции и проблем нормативного регулирования политических отношений. В статье анализируется перспектива создания независимого «регулятора» на политической арене, а также возможность наделения существующих органов власти функциями по защите политической конкуренции. На сегодняшний день политическая конкуренция опосредованно является объектом административно-правового регулирования, которое, в свою очередь, охватывает лишь некоторые стороны избирательных процедур, составляющих незначительную часть всего объема конкурентных отношений в политике. В связи с этим не были сформулированы комплексный и системный подходы к обеспечению и защите политической конкуренции. Анализ конституционных положений ряда зарубежных стран показывает, что одним из средств поддержания баланса на политической арене может служить закрепление

© Галстян Н.А., 2022

конституционных гарантий для определенных политических акторов, являющихся участниками политической конкуренции.

Ключевые слова: политическая конкуренция, регулятор, монополизм, политический рынок, выборы, парламентаризм, модель власти

On the “Antimonopoly” Regulation of the Political Competition: Constitutional-Legal Aspects

Norik A. Galstyan

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia

E-mail: ngalstyan@hse.ru

Received 22.12.2021, revised 15.03.2022, accepted 18.03.2022

Abstract. The article analyzes one of the aspects of competition in politics’ legal protection related to the introduction of “antitrust” regulation in politics analogical to the economic sphere. The prospects for political market regulation in the Russian Federation are considered on the basis of an economic approach, also taking into account the constitutional nature of political competition and issues of legal regulation of political relations. As the author notes, it is permissible to use the economic approach for the purposes of understanding the mechanism of political competition, which is also confirmed by the works of Russian and foreign scholars. The possibility of introducing an “anti-monopoly regulation” in the political market by analogy with regulation of market relations in economics is considered as one of the directions for protecting political competition. The article analyzes the prospect of involving an independent “regulator” in the political field, and the possibility of endowing the existing authorities with the functions of protecting political competition. Nowadays, political competition is indirect object of administrative regulation, which covers only some aspects of electoral procedures constitutes an insignificant part of the total scope of competitive relations in politics. In this regard, political competition lacks comprehensive and systematic approach to ensuring and protecting. The author concludes that the direct use of the economic approach to the regulation of competition in politics is problematic, since it is associated with the methodological and legal issues of such regulation, which requires the identification of additional legal means of protecting political competition. The analysis of the constitutional provisions of several countries show that one of the means for maintaining a balance in the political arena could be the introduction of constitutional guarantees for certain political actors, which participate in the political competition.

Keywords: political competition; competition regulator; monopoly; political market; elections; parliamentarism; model of power

For citation: Galstyan N.A. On the “Antimonopoly” Regulation of the Political Competition: Constitutional-Legal Aspects, *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 40–61 (in Russ.). DOI 10.17506/26867206_2022_22_2_40.

Введение. Политическая конкуренция, как неотъемлемый элемент демократического строя, характеризует состояние ключевых общественно-политических отношений, от качества которых зависит эффективность всей политической системы. Как отмечает американский исследователь Ларри Даймонд, конкурентность политического рынка напрямую отражает развитость демократических институтов, особенно в обществах, находящихся на стадии транзита власти (см.: Diamond 2002: 23). В России запрос на политическую конкуренцию продиктован тем, что в обществе растет понимание необходимости повышения эффективности публичной власти, а также глобальными тенденциями в сфере развития народовластия, многопартийности, противодействия политической коррупции и т.д. В этой связи особую актуальность приобретает поиск механизмов, способных обеспечить реальную политическую конкуренцию, прозрачность и открытость политического рынка.

О природе политической конкуренции. На протяжении последних десятилетий проблема политической конкуренции была не только в центре политологических исследований, но и вызывала все больший интерес у юристов. Вместе с тем нужно указать, что вследствие недостаточного понимания правовой природы политической конкуренции в отечественной юридической науке пока не сформировалось целостное представление о механизмах ее обеспечения и защиты. Несмотря на то, что в Конституции РФ и российском законодательстве политическая конкуренция прямо не упоминается, она находит свое проявление в ряде конституционных институтов, и прежде всего в институте сдержек и противовесов. Как отмечает И.Л. Кинзерская, политическая конкуренция представляет собой систему публичных сдержек и противовесов, «определяющую устойчивый характер развития политической системы и устанавливающую легитимные формы взаимодействия политических акторов в борьбе за власть» (Кинзерская 2009: 9). Будучи борьбой за власть, политическая конкуренция, на наш взгляд, охватывает куда более широкий круг вопросов, вытекающих из публично-правовых отношений. Элементы политической конкуренции проявляются во множестве сторон парламентской деятельности (например, в законотворчестве, инициировании парламентских расследований, участии в формировании правительства и иных органов власти), во взаимоотношениях главы государства с другими публично-властными институтами и т.д. Степень развития политической конкуренции, таким образом, позволяет оценить состояние как отдельных конституционных институтов, связанных с организацией власти, так и политической системы в целом.

Несмотря на сложную политико-правовую природу политической конкуренции, в России она не является самостоятельным объектом правового регулирования. Диаметрально противоположная картина наблюдается в сфере защиты экономической конкуренции. Так, п. 1 ст. 8 Конституции РФ гарантирует поддержку конкуренции и свободу экономической деятельности; отношения между государством (в лице регулятора) и иными субъектами в рамках экономической борьбы регламентируются отдельным федеральным законом (Федеральный закон № 135-ФЗ, 2006; далее – Закон о защите конкуренции), нарушение правил экономической конкуренции

влечет за собой предусмотренные законом формы ответственности. Таким образом, на сегодняшний день складывается комплексная система нормативного (в том числе конституционного) регулирования конкуренции в экономике, чего нельзя сказать об отношениях в рамках политической конкуренции, защита которой, вне всяких сомнений, относится к числу важнейших факторов поступательного развития политических отношений и политической системы в целом.

Как феномен политическая конкуренция, как и конкуренция в экономике, *является видом социальной конкуренции* (см.: Нисневич 2009b: 11), что позволяет говорить о наличии у этих видов конкуренции общих признаков и свойств, присущих конкуренции в общесоциальном смысле. В связи с этим при определении характеристик конкуренции в политике **допустимо опираться на экономический подход**. Такой позиции придерживается целый ряд отечественных ученых (см.: Макарин 2016: 29; Оспанов 2015: 23; Васильева 2012: 20; Олейнов 2009: 53). О *схожести конкурентных моделей в экономике и политике* писали такие видные американские экономисты, как Роберт Барро (Barro 1973) и Джордж Д. Стиглер (Stigler 1972). Причем последний отмечал, что политическая конкуренция имеет куда более длительную историю, чем конкуренция в экономике (Stigler 1972: 91).

Некоторые авторы обращают внимание на то, что политическая конкуренция и экономическая конкуренция *функционируют на единых началах*. В частности, они указывают, что **закон спроса и предложения**, являющийся фундаментальной основой поддержания баланса на товарном рынке, *действует и в рамках политической борьбы* (см.: Шилов 2013: 167, 169; Обухов 2011b: 66; Дилигенский 2000: 105). Зарубежные авторы уже на протяжении нескольких десятилетий рассматривают политические процессы (в первую очередь электоральные) *через призму рыночных отношений* (см.: O'Cass 1996: 37; а также Giebler et al. 2021; Wheatley, Mendez 2021; Khemani 2017; Bischoff 2006). Такой подход привел к возникновению так называемой теории политических рынков, основная идея которой сводится к тому, что принятие политических решений является результатом рационального взаимодействия между теми, **кто предъявляет спрос** на такие решения, и теми, **кто осуществляет их предложение** (см.: Афонцев 2014: 41). Исследовавший проблематику политического рынка известный французский социолог П. Бурдьё писал, что в политическом соперничестве рождается «политическая продукция»: проблемы, программы, концепции, события, из которых и должны выбирать обычные граждане, низведенные до положения потребителей (см.: Бурдьё 1993: 182). На товарном рынке, как следует из положения п. 7 ст. 4 Закона о защите конкуренции, именно соперничество (конкуренция) приводит к исключению или ограничению возможности каждого из конкурентов «в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров» (Федеральный закон № 135-ФЗ, 2006: ст. 4, п. 7). С учетом этого представляется, что **функционирование товарного и политического рынков осуществляется на основе единого (универсального) механизма**, создающего баланс на соответствующем рынке в целях недопущения его монополизации.

О понятии политического рынка. В рамках исследования конкуренции нельзя обойти стороной феномен рынка, поскольку понимание природы рынка позволяет раскрыть основные характеристики конкурентных отношений, в том числе и в сфере политики. Социолог М. Вебер неразрывно связывал понятия «рынок» и «конкуренция», определяя рынок как «совокупность социальных отношений, в центре которых находятся отношения обмена и конкуренции и которые регулируются нормами рыночного порядка» (Вебер 2016: 385). Опираясь на социально-экономический подход, В.В. Радаев характеризует рынок как «систему регулярного, преимущественно денежного, взаимовыгодного, добровольного и состязательного обмена благами» (Радаев 2006: 27). Итак, содержанием рыночных отношений является **взаимовыгодный обмен определенными благами** между участниками рынка, а признаками рынка выступают **регулярность, добровольность и состязательность**.

На сегодняшний день в отечественной научной литературе отсутствует единый подход к пониманию политического рынка, особенно в качестве правовой категории. Так, И.М. Модель и Н.Г. Привалов считают политический рынок **разновидностью квазирынка**, то есть «одной из форм координации общественных процессов, близкой по своим принципам и механизмам к хозяйственному рынку» (Модель, Привалов 2004: 203). Д.В. Нежданов и О.Ф. Русакова видят природу политического рынка в обеспечении коммуникативного процесса **обмена благами на основе принципа конкуренции** между различными политическими акторами, участвующими в принятии политических решений и в распределении властных ресурсов (см.: Нежданов, Русакова 2011: 162). Д.В. Обухов определяет политический рынок как неотъемлемую часть демократического общества, представляющую собой «рынок политических идей, программ, а также партий, движений и лидеров, выражающих эти идеи и программы» (Обухов 2011а: 39). Подытожив приведенные выше мнения исследователей, в качестве неотъемлемых признаков политического рынка можно выделить **регулярность, состязательность и наличие обмена, обеспечивающего распределение власти между конкурентами**.

В рамках политической конкуренции **обмен** представляет собой передачу власти (или ее части) от одного субъекта другому и осуществляется через борьбу за власть, что особенно актуально в контексте электоральных процедур. При таком подходе конкуренция понимается как борьба между «продавцами» политической продукции, то есть лицами, соперничающими за внимание со стороны потребителей (избирателей), которые, выражая свою волю, дают **мандат на власть** определенному конкуренту или группе лиц, участвующих в конкурентной борьбе. Между тем рассмотрение политического рынка исключительно в контексте избирательных отношений видится не в полной мере корректным, так как политическая деятельность не ограничивается электоральными процедурами. Обмен, будучи ключевым признаком товарного рынка, в политике представляет собой уникальное явление, к которому не могут быть применены аналогии из сферы экономики. С правовой точки зрения обмен предполагает оборот равноценных товаров, однако подлежащие обмену политические «товары»

по своей природе неравноценны, поскольку **не могут быть выражены в стоимостной или иной материальной форме**. Например, в электоральных процедурах голос избирателя выступает единственным возможным *легальным* способом приобретения политического товара.

Рассматривая политический рынок как более широкое понятие, необходимо отметить, что использование категории «конкурент» применительно ко всем процессам на политическом рынке может быть лишь условным. Так, возникающие при разделении властей отношения между ветвями власти, лежащие в плоскости конституционно-правового регулирования, не являются по своей сути конкурентными, поскольку не приводят к борьбе за ограниченный ресурс (в отличие, например, от электоральной борьбы). Конституционная модель власти не предполагает возникновения соперничества за власть между ее ветвями, так как в этих условиях власть выступает в качестве инструмента, благодаря которому все ветви власти сосуществуют как единый и целостный организм. Это связано с закреплением в Основном Законе **ограниченного круга субъектов**, уполномоченных осуществлять отведенные им властные функции в рамках разделения властей. В то же самое время, как и при классическом понимании конкурентной борьбы, система сдержек и противовесов препятствует формированию политического монополизма.

Состязательность, как признак рынка, предполагает **возможность участников влиять на условия распределения власти**. В электоральной борьбе состязательность достигается свободным доступом конкурентов на политический рынок, то есть соблюдением конституционно закрепленного принципа политического и идеологического многообразия и многопартийности (ст. 13 Конституции РФ). У каждой ветви власти внутри системы разделения властей состязательность означает наличие реальных институциональных возможностей для уравнивания других ветвей власти и контроля за их деятельностью. В этом смысле порядок распределения власти в политике сопоставим с рыночным механизмом, где наличие множества участников (*конкурентов*) исключает или ограничивает возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на рынке (см.: Федеральный закон № 135-ФЗ, 2006: ст. 4, п. 7), то есть такой порядок в политике **ограничивает концентрацию всей полноты власти в руках одного из субъектов**, в том числе в руках субъекта, занимающего доминирующее положение на политической арене.

Регулярность на политическом рынке определяется тем, что власть при демократическом устройстве в силу ограниченности не может безраздельно принадлежать одному властному институту. Регулярность обмена обеспечивается **наличием временных рамок**, устанавливающих предельные сроки сохранения власти у политических акторов, а также закреплением порядка формирования ряда властных институтов **исключительно через периодические выборы**.

Таким образом, политический рынок имеет ряд схожих характеристик с товарным рынком, в первую очередь в механизме ограничения монополизма. При этом политический рынок является сложносоставным феноменом, внутри которого возникают отношения между властными институтами

(не всегда непосредственно связанные с соперничеством за власть) и между избирателями и конкурентами в контексте избирательных отношений. С учетом вышеизложенного представляется возможным охарактеризовать политический рынок как **систему регулярного распределения властных ресурсов, обеспечивающую согласование интересов политических акторов во взаимоотношениях как между собой, так и с лицами, определяющими результаты конкурентной борьбы (избирателями).**

О регулировании конкурентных отношений в политике. Несмотря на схожесть механизма политической и экономической конкуренции, анализ перспектив регулирования конкурентных отношений в политике связан с рядом дискуссионных вопросов. Одной из наиболее сложных видится проблема применения (проецирования) в политике существующих правовых средств защиты экономической конкуренции, важнейшим из которых является наличие отдельного органа – Федеральной антимонопольной службы РФ (далее – ФАС РФ), производящей контроль за соблюдением антимонопольного законодательства на товарном рынке. В то же время в юридической науке практически не говорится о возможности внедрения аналогичного регулятора на политическом рынке, а антимонопольная функция ассоциируется исключительно с экономической сферой.

По мнению видного американского экономиста Дж. Гэлбрейта, функция государства в регулировании экономической конкуренции – осуществлять посредническую деятельность на рынке: обуздывать тех, кто силен, и содействовать тем, кто слаб (см.: Гэлбрейт 1976: 67). Иными словами, необходимость регулирования отношений на соответствующем рынке возникает в ситуации, когда среди участников конкурентной борьбы появляется субъект или субъекты, перед действиями которых остальные конкуренты оказываются беззащитными. При этом такая ситуация складывается не вследствие получения конкурентного преимущества в условиях свободного рынка, а *в связи с предпринимаемыми отдельными субъектами действиями по нарушению конкурентного правопорядка в целях достижения собственной пользы.* Как следует из положений гл. 2 и 2.1 Закона о защите конкуренции, в экономике подобные действия могут быть квалифицированы как недобросовестная конкуренция или монополистическая деятельность. В политике это может проявляться во введении избирателей в заблуждение или в злоупотреблении доминирующим субъектом (например, получившей парламентское большинство политической силой) своим положением в целях удержания власти. В таких условиях составляющие основу конкуренции механизмы (закон спроса и предложения в экономике или система сдержек и противовесов в политике) перестают обеспечивать баланс на рынке, где соотношение сил между конкурентами напрямую определяет их возможность конкурировать на равных между собой. Особенно остро эта проблема проявляется в условиях, когда **конкурирующие стороны институционально находятся в неравном положении.** Таким образом, роль регулирования конкурентных отношений видится в выработке эффективных механизмов для развития конкуренции, а также в нивелировании последствий, возникающих из-за ее несовершенства.

В обеспечении и защите политической конкуренции **особую роль играет конституционно-правовое регулирование**, что объясняется, в частности, доминирующей ролью норм конституционного права в воздействии на политические отношения и спецификой политической конкуренции как борьбы за власть. Конституционное регулирование охватывает широкий круг отношений, в рамках которых осуществляется оформление публичной власти, определение принципов ее организации и функционирования, закрепляются политические права и свободы, а также регламентируется процесс создания норм позитивного права. В связи с этим можно выделить следующие направления конституционно-правового регулирования политической конкуренции:

1) **поддержание основополагающих конституционных принципов:** принципа разделения властей (включая процедуры формирования высших органов власти и их полномочий), принципа идеологического и политического плюрализма, принципа народного суверенитета и др.;

2) **закрепление и нормативная конкретизация конституционных прав** участников политической конкуренции. К числу таких прав можно отнести право на информацию (ст. 24, 29 Конституции РФ), право на объединение (ст. 30 Конституции РФ), право на проведение публичных мероприятий (ст. 31 Конституции РФ), весь спектр избирательных прав (ст. 32 Конституции РФ), а также право на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33 Конституции РФ);

3) **нормативное закрепление механизмов обеспечения и защиты политической конкуренции.** Одним из таких механизмов нам видится создание органа, который мог бы осуществлять «антимонопольные» функции на политической арене, то есть принимать превентивные меры для охраны конкурентного правопорядка и реагировать на факты нарушения конкуренции. Кроме этого, в рамках данного направления возможно признание какого-либо из существующих политических акторов в качестве регулятора.

На наш взгляд, первые два направления взаимообусловлены, так как дополняют друг друга и вытекают из основ конституционного строя, закрепленных в первой главе Конституции РФ. Кроме этого, конституционные нормы, устанавливающие фундаментальные принципы организации публичной власти и субъективные политические права, фактически формируют обязательные для всех конкурентов правила политической борьбы. В этом смысле они выступают в качестве материальных норм, осуществляющих нормативное регулирование политической конкуренции в рамках различных конституционно-правовых институтов. Как уже было отмечено, одним из способов воздействия на конкурентные отношения в политике может быть «антимонопольное» регулирование, которое требует определения допустимых пределов такого регулирования и соответствующего правового инструментария.

Важно подчеркнуть, что опосредованное регулирование политических отношений в рамках конституционного права формирует лишь основные идеи и принципы политической конкуренции и не закрепляет какой-либо механизм прямого воздействия на политический рынок. С другой стороны,

нормативной основой защиты конкуренции в политике формально могут служить нормы гл. 5 КоАП РФ «Административные правонарушения, посягающие на права граждан» (Кодекс РФ об административных правонарушениях № 195-ФЗ, 2015: гл. 5) и гл. 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» (Уголовный кодекс РФ № 63-ФЗ, 1996: гл. 19), охватывающие отношения по обеспечению деятельности избирательных комиссий, защите избирательных прав граждан и кандидатов на выборные должности, проведению предвыборной агитации и т.п. Хотя защита политической конкуренции может осуществляться избирательными комиссиями, органами юстиции, судами и правоохранительными органами, С.В. Масленникова справедливо отмечает, что на практике их деятельность в этом направлении не является достаточной (см.: Масленникова 2012: 263). Кроме того, применяемые данными органами меры публично-властного характера осуществляются лишь в отношении ограниченного числа институтов политической конкуренции – выборов, референдумов, деятельности общественных объединений и т.д., в то время как *политическая конкуренция включает в себя широкий спектр отношений*, где избирательные процедуры занимают важное, но не единственное место. В частности, административное и уголовное законодательство не охватывает (да и не может в силу предмета регулирования охватить) такие важные стороны политической конкуренции, как отношения между парламентом и исполнительной властью, отношения главы государства с иными институтами власти, парламентский контроль, вопросы межпартийных и внутрипартийных отношений, законотворчество и т.д. Вместе с тем перечисленные выше элементы составляют основу политической конкуренции и формируют соответствующие формы взаимоотношений на политической арене.

Не вызывает сомнений, что регулирование отношений в сфере политической конкуренции требует особой осторожности и глубокого понимания целей и ожидаемых результатов такого регулирования. Так, американский экономист Брайан Каплан в труде «Миф о рациональном избирателе» пишет следующее: «Если вас беспокоит рыночная монополия, то вас должна беспокоить и монополия политическая. Но перед тем, как бросаться “восстанавливать конкуренцию” в какой-либо из указанных сфер, необходимо задуматься о долгосрочной опасности наказания за успешность» (Каплан 2012: 155-156). Из слов Б. Каплана вытекает, что возможные перегибы при попытках защитить товарный или политический рынок от монополизма могут повлечь за собой негативные последствия для самой конкуренции. В качестве примера рассмотрим регулирование деятельности партий, являющихся важнейшими участниками политической конкуренции. На материале исследования более 30 европейских демократий И. Бизен и Е. Рашкова приходят к выводу о том, что само по себе правовое регулирование деятельности политических партий не ограничивает их количество, однако негативно сказывается на численности новых участников, представленных в законодательном органе (см.: Biezen, Rashkova 2014: 901). В отчете Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии) отмечается, что наличие специального закона, регулирующего деятель-

ность политических партий, не является требованием для функционирования демократии – наиболее эффективно минимальное регулирование их деятельности (см.: Совместные руководящие принципы... 2020: п. 68, 154).

Отдельно следует остановиться на вопросе финансирования партий со стороны государства. Р. Гросс и К. Гойдель пишут, что государственная поддержка политических партий способствует развитию политической конкуренции путем усиления их электоральной активности (см.: Gross, Goidel 2003: 10). Вместе с тем Венецианская комиссия отмечает, что размер государственного финансирования партий должен быть определен таким образом, чтобы не отменять потребность партий в частных пожертвованиях, а система государственного финансирования политических партий не должна приводить к ограничению их самостоятельности (см.: Совместные руководящие принципы... 2020: п. 232).

Таким образом, регулирование политической сферы и статуса лиц, являющихся непосредственными участниками политической конкуренции, должно осуществляться *с учетом его допустимых пределов* и на основании оценки того, *как такое регулирование скажется на качестве конкурентных отношений* в политике.

Независимый регулятор политической конкуренции: перспективы внедрения. По своей сущности регулирование конкуренции предполагает использование публично-правовых средств воздействия на общественные отношения. Несмотря на то, что экономическая конкуренция охраняется административным и уголовным законодательством, антимонопольные органы рассматривают дела только об административных правонарушениях в данной сфере (ст. 23.48 и 22.1 КоАП РФ), чем и определяется соответствующий правовой инструментарий реагирования ФАС РФ на факты нарушения правил экономической конкуренции. Между тем административно-правовое воздействие вряд ли применимо в условиях политической конкуренции. Это обусловлено тем, что ***связанные с борьбой за власть отношения не могут быть объектами административно-правового регулирования***, поскольку возникают по поводу управленческой деятельности органов и должностных лиц.

Политическая конкуренция в широком смысле возникает между субъектами (участниками конкуренции) по поводу власти. При этом наравне с партиями, различными политическими объединениями, отдельными кандидатами в политическую конкуренцию могут быть вовлечены органы и должностные лица, осуществляющие государственную власть, например глава государства, парламент и др., что ***предполагает прямую заинтересованность данных органов и должностных лиц в результатах конкурентной борьбы***, по итогам которой они могут как приобрести дополнительные ресурсы власти, так и лишиться ее. Регулирование политической конкуренции каким-либо органом, в том числе органом исполнительной власти, как это происходит применительно к экономическим отношениям, не может в полной мере быть признано допустимым средством защиты политической конкуренции. Это связано с тем, что государственные органы (в первую очередь органы исполнительной власти) осуществляют

функции по правоприменению в рамках отношений, участниками которых они сами являются. Исполнительная власть хоть и не вовлечена в политическую борьбу, однако *институционально находится под сильным влиянием главы государства*¹. При этом конституционные положения не позволяют говорить о том, что парламент обладает реальными правовыми механизмами контроля исполнительной ветви власти и ее деятельности. Как следует из вышеизложенного, регулирование политической конкуренции органами власти входит в противоречие с идеей регулятора как независимого во всех смыслах субъекта, который должен быть **вне рынка**, в рамках которого ведется борьба. Нахождение регулятора за пределами соответствующего рынка обеспечивает его независимость и незаинтересованность в результатах конкуренции. Антимонопольный орган в экономике, в частности, всегда находится вне товарного рынка и не может в силу своего статуса участвовать в конкурентной борьбе совместно с хозяйствующими субъектами.

Возможность отдельных органов власти в одностороннем порядке определять правила политической конкуренции затрудняет положение остальных конкурентов, которые не могут использовать средства, доступные контролирующим власть субъектам, для получения конкурентного преимущества. В этом проявляется принципиальное различие между политической и экономической конкуренцией. Лицо, получившее механизмы власти через конкурентную борьбу, может приобрести положение, которое позволит ему владеть ресурсами власти и фактически определять порядок доступа иных сил на политический рынок. Это проявляется в возможности отдельных субъектов влиять на условия политической конкуренции, например главы государства на иные ветви власти (в первую очередь на правительство) или обладающей парламентским большинством политической партии на деятельность иных фракций. Такая политическая сила получает возможность создавать формальные и неформальные препятствия иным субъектам для доступа на политический рынок, к примеру, путем введения формальных ограничений (включая законодательные в случае с партией). На это обращает внимание и С.В. Володина, по мнению которой у участвующих в политической конкуренции сторон имеется возможность в полном соответствии с установленными правилами прийти к власти для ликвидации своих прежних соперников (см.: Володина 2015: 123). Данное обстоятельство создает вызванные методологическими и политико-правовыми факторами проблемы для регулирования политического рынка, не позволяющие в полной мере проецировать на него специфику экономических

¹ Несмотря на то, что согласно ч. 1 ст. 11 Конституции РФ Президент РФ и Правительство РФ самостоятельны в осуществлении государственной власти, ряд факторов свидетельствуют о сильном влиянии главы государства на Правительство РФ. Так, Президент РФ вправе председательствовать на заседаниях Правительства РФ (п. «б» ст. 83 Конституции РФ), участвовать в формировании Правительства РФ (п. «б.1» ст. 83 Конституции РФ), освобождать от должности Председателя Правительства РФ (ч. 2 ст. 111 Конституции РФ). Правительство РФ осуществляет исполнительную власть под общим руководством Президента РФ (ч. 1 ст. 110 Конституции РФ), Председатель Правительства РФ несет персональную ответственность перед главой государства за осуществление возложенных на Правительство РФ полномочий (ст. 113 Конституции РФ).

отношений, что предопределяет необходимость поиска *дополнительных возможностей для правовой защиты политической конкуренции.*

Существующие органы власти как регуляторы политического рынка. Одним из способов защиты политической конкуренции могло бы стать признание *в качестве регулятора* какого-либо из существующих на политической арене субъектов. Данный субъект должен соответствовать как минимум двум критериям: *во-первых, быть отстраненным от политического рынка*, то есть прямо не участвовать в политической борьбе и не быть заинтересованным в ее результатах, а *во-вторых, быть независимым в принятии публично-властных решений.*

Конституционные положения создают основу для признания главы государства – Президента РФ – субъектом, который наделен функциями политического арбитража и выступает в качестве гаранта Конституции РФ (ч. 2 ст. 80 Конституции РФ). Однако конституционная модель власти в России не позволяет реализовать эту теоретическую конструкцию. Занимая центральное место в системе публичной власти, Президент РФ непосредственно участвует в политической борьбе, а также обладает широким объемом властных полномочий и механизмов одностороннего влияния на политику, что прежде всего проявляется в его взаимоотношениях с законодательной и исполнительной ветвями власти. Это означает, что в текущих условиях говорить об отстраненности главы государства от политического рынка не представляется возможным. В связи с этим при определении потенциального регулятора из числа существующих на политической арене субъектов ключевым вопросом будет являться обеспечение его нейтральности и незаинтересованности в результатах конкуренции.

На наш взгляд, в ограниченной степени функции «антимонопольного» органа на политической арене могла бы осуществлять **Центральная избирательная комиссия РФ** (далее – ЦИК РФ) и иные избирательные комиссии, тем более что они действительно принимают непосредственное участие в обеспечении соблюдения правил политической конкуренции, хоть и исключительно в рамках избирательных процедур. Например, на ЦИК РФ может быть возложено осуществление правовой экспертизы законопроектов по вопросам избирательного законодательства и вынесение подлежащих опубликованию правовых заключений по ним. С другой стороны, избирательные комиссии и сейчас играют некоторую роль в правовом обеспечении электоральной конкуренции. Так, согласно ч. 4 ст. 208 Кодекса административного судопроизводства РФ, ЦИК РФ (как и региональные и муниципальные избирательные комиссии) может обратиться в суд с иском о признании акта по вопросам реализации избирательных прав не действующим полностью или в части в случае, если полагает, что оспариваемый нормативный правовой акт не соответствует иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, нарушает избирательные права граждан либо компетенцию избирательной комиссии (Кодекс административного судопроизводства РФ № 21-ФЗ, 2015: ст. 204, ч. 4). Кроме этого, ЦИК РФ может давать заключения о соответствии законов и иных нормативных правовых актов субъектов РФ Федеральному

закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и иным федеральным законам, регулирующим избирательные права и право на участие в референдуме граждан России (см.: Федеральный закон № 67-ФЗ, 2002: ст. 21, ч. 14). Однако данные меры не являются системными и касаются лишь точечного реагирования на возможные нарушения избирательного законодательства. Существенной проблемой остается и то, что действующий порядок формирования избирательных комиссий отражает их непосредственную связь с органами власти, в избрании которых данные комиссии принимают участие в качестве организаторов выборов. Это касается и порядка формирования ЦИК РФ – назначение Президентом РФ, Государственной думой РФ и Советом федерации РФ по 5 членов в состав ЦИК РФ (см.: Федеральный закон № 67-ФЗ, 2002: ст. 21, ч. 4), который не дает оснований полагать, что в условиях неконкурентного политического рынка такой орган может быть объективной и нейтральной стороной, заинтересованной в установлении баланса на политической арене.

Другим субъектом, потенциально способным выступать в качестве регулятора политической конкуренции, является *парламент – Федеральное собрание РФ*. При этом в контексте политической конкуренции точнее говорить именно о нижней палате парламента, то есть о **Государственной думе РФ**, формируемой путем выборов и преимущественно по партийному принципу. Избираемый парламент является основным местом, в рамках которого оппозиция, определяемая через категорию парламентского меньшинства, может стать властью, используя установленные формальные процедуры. Даже имеющие незначительные ресурсы участники политической конкуренции (при условии, что они смогли преодолеть процентный барьер и быть представленными в парламенте) получают возможности для реализации собственных политических целей и программ. Хотелось бы отметить, что в политической системе парламент представлен в двух формах: с одной стороны, как самостоятельный субъект и один из элементов системы разделения властей (например, в вопросах взаимоотношения с правительством и главой государства), а с другой – как место, в рамках которого различные политические силы конкурируют между собой для сохранения и укрепления своей политической позиции.

Это обеспечивает непрерывность конкуренции внутри самого парламента, что может свидетельствовать о непосредственной заинтересованности законодательной ветви власти в конкурентном политическом поле. Однако следует указать, что в формируемом на партийной основе парламенте не исключено возникновение *доминирующих субъектов* (по аналогии с экономикой, где доминирующим считается положение, при котором субъект занимает более 50% доли на рынке¹), то есть партий, получивших

¹ Согласно положениям антимонопольного законодательства хозяйствующий субъект является доминирующим, если его доля на рынке превышает 50%, если антимонопольный орган не установит обратное. Кроме этого, доминирующим может быть положение при доле на рынке более чем 40%, если это будет установлено антимонопольным органом (см.: Федеральный закон № 135-ФЗ, 2006: ст. 5, ч. 1, 2).

достаточное количество мест для самостоятельного контроля ключевых сторон работы парламента, и в первую очередь его законодательной деятельности. В экономике такое положение дает доминирующему субъекту следующие возможности: 1) оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на товарном рынке; 2) устранять с товарного рынка других хозяйствующих субъектов или 3) затруднять им доступ на этот рынок. В политической же сфере наличие абсолютного большинства, то есть более 50% мест в парламенте, а в некоторых случаях квалифицированного большинства (2/3 мест) также можно признать доминирующим положением. Доминирующее положение, в частности, занимает партия «Единая Россия» в Государственной думе РФ¹, партия «Нур Отан» в нижней палате парламента (мажилисе) Республики Казахстан, партия «Фидес – Венгерский гражданский союз» в Национальном собрании Венгрии.

В политике доминирующее положение *позволяет субъекту использовать законотворчество в собственных интересах*, поскольку повлиять на результаты голосования ни одна другая сила институционально неспособна. Кроме этого, злоупотребление доминирующим положением может выражаться в использовании административного ресурса или в воспрепятствовании осуществлению другими политическими силами своих полномочий. Например, путем блокирования инициатив о возбуждении парламентских расследований, что приобретает актуальность в условиях, когда законодательные механизмы не позволяют меньшинству инициировать такие процедуры. Так, если в Российской Федерации решение о проведении парламентского расследования может быть принято в случае, если за него проголосовало большинство от общего числа членов Совета федерации или депутатов Государственной думы (см.: Федеральный закон № 196-ФЗ, 2005: ст. 8, ч. 4), то согласно ст. 44 Конституции Германии бундестаг обязан учредить следственную комиссию, которая займется сбором необходимых доказательств на открытых или закрытых заседаниях, по предложению 1/4 членов бундестага (см.: Основной закон..., 1949: ст. 44). Очевидно, что представляющая парламентское большинство политическая сила не заинтересована в создании условий, при которых она может потерять свое положение, что приводит к постоянному воспроизводству неконкурентного политического рынка. В.И. Крусс справедливо отмечает, что под контролем политической партии, злоупотребляющей своим доминирующим положением, законотворчество может осуществляться вопреки обеспечению политической конкуренции (см.: Крусс 2007: 677). Такая ситуация приводит к нарушению необходимого для функционирования парламента баланса интересов всех представленных в нем политических сил.

В современном мире устоявшейся практикой обеспечения конструктивных взаимоотношений между большинством и меньшинством в парламенте является *признание статуса прав парламентского меньшинства*

¹ Данная политическая сила занимает доминирующее положение в Государственной думе начиная с 2003 г. в течение пяти созывов (с четвертого по восьмой созыв включительно).

(парламентской оппозиции). В некоторых европейских парламентах у меньшинства имеются определенные конституционные гарантии, позволяющие ему влиять на ключевые стороны парламентской деятельности. Например, ст. 6 Конституции Чехии содержит принцип, согласно которому «при принятии решений большинством обеспечивается защита прав меньшинства» (Конституция Чешской Республики, 1993: ст. 6). В соответствии с ч. 5 ст. 48 Конституции Франции «один день пленарных заседаний в месяц отводится повестке дня, принятой каждой палатой по инициативе оппозиционных фракций соответствующей палаты, а также миноритарных групп» (Конституция Франции, 1958: ст. 48, ч. 5). В ряде стран принцип защиты интересов меньшинства реализуется в конкретных процедурах, связанных с законотворческим процессом. Так, в соответствии со ст. 41 Конституции Дании 2/5 членов фолькетинга (парламента Дании) могут потребовать, чтобы третье (и последнее) слушание по законопроекту было отложено на срок до 12 рабочих дней для того, чтобы дать возможность провести публичные дебаты по рассматриваемому законопроекту (см.: Конституция Дании, 1953: ст. 41). При этом не позднее трехнедельного срока после принятия законопроекта парламентом Дании 1/3 депутатов может обратиться к председателю парламента с требованием о проведении референдума по данному законопроекту. Не вызывает сомнений, что гарантии учета мнения меньшинства позитивно влияют как на уровень партийной конкуренции в парламенте, так и на качество парламентской деятельности в целом. В таких условиях избранные населением в законодательный орган политические партии, не получившие возможности сформировать парламентское большинство, не оказываются статистами в решении важнейших для государства политических вопросов.

На основе парламентской практики зарубежных стран можно сделать вывод о том, что наличие институциональных механизмов защиты интересов политического меньшинства непосредственным образом влияет на самостоятельность парламента, что отражается и на всей системе сдержек и противовесов. Поэтому важным фактором, свидетельствующим о невозможности признания российского парламента в качестве регулятора политической конкуренции, выступает *существующая зависимость Федерального собрания от главы государства*, который обладает широкими возможностями влияния на законодательную ветвь власти¹. Следует отметить,

¹ Конституция РФ содержит ряд положений, позволяющих главе государства ограничивать самостоятельность парламента (причем как нижней палаты, так и верхней): возможность роспуска Государственной думы РФ после трехкратного отклонения ею представленных на утверждение кандидатур Председателя Правительства РФ (Конституция Российской Федерации, 1993: ст. 111, ч. 4), право главы государства обратиться в Конституционный суд РФ для проверки конституционности отклоненного им федерального закона после преодоления палатами Федерального собрания РФ президентского вето (Конституция Российской Федерации, 1993: ст. 107, ч. 3), право назначения в Совет федерации РФ не более 30 представителей, из которых не более семи могут быть назначены пожизненно (Конституция Российской Федерации, 1993: ст. 95, ч. 2, п. «в»), и т.д.

что конституционная модель власти в России не способствует формированию реального парламентаризма, основой которого, в частности, является институциональный баланс в системе разделения властей. Такой баланс мог бы быть обеспечен, например, мерами влияния парламента на определенные действия главы государства или путем ограничения возможностей одностороннего влияния президента на парламент. Ярким примером этого служат Соединенные Штаты Америки, где, несмотря на президентскую форму правления, наделяющую главу государства широкими полномочиями, его реальные возможности воздействия на парламент весьма ограничены. Так, президент не обладает правом роспуска палат конгресса США, что является элементом обеспечения независимости и самостоятельности парламента в рамках президентской республики.

Выводы. Ключевой гарантией существования политической конкуренции выступает заинтересованность в ней лиц, которые являются ее непосредственными участниками и статус которых напрямую зависит от результатов конкурентной борьбы. Между тем на несформировавшемся политическом рынке может возникнуть ситуация, когда у контролирующих ключевые политические процессы субъектов отсутствует интерес к развитию конкуренции, поскольку в условиях свободной борьбы они могут частично или полностью лишиться власти. Данная проблема становится особенно актуальной в случае, когда конституционная модель власти не способствует созданию конкурентных начал в политической сфере. В подобных условиях возникает необходимость поиска правовых средств, призванных защитить политическую конкуренцию от недобросовестной конкуренции и монополизма **путем установления институциональных гарантий** поддержания баланса на политической арене.

В экономике контролирующее соблюдение правил конкуренции субъект (регулятор) находится вне товарного рынка, а допустимые правила конкуренции определяются законодателем. Это создает такую модель взаимоотношений, где интересы конкурентов, регулятора и определяющего правила конкуренции субъекта не пересекаются, благодаря чему конкуренция становится наиболее эффективным способом удовлетворения потребностей участников рыночного обмена. Иная ситуация складывается в политической сфере, где на сам процесс достижения блага, за которое ведется борьба, могут влиять участники конкуренции. Так, *некоторые субъекты могут быть частью политического рынка* и в то же время *определять правила конкуренции* прежде всего путем создания формальных и неформальных ограничений для остальных участников конкурентной борьбы.

С учетом вышеизложенного представляется возможным выделить следующие свойства, которые должны быть присущи потенциальному регулятору политической конкуренции:

1. наличие формальных оснований для признания регулятором (закрепленная нормативным актом компетенция, возможность принятия мер властного реагирования и применения форм ответственности);
2. юридическая, политическая, финансовая и прочие виды независимости от иных субъектов;

3. отсутствие прямой заинтересованности в результатах политической борьбы. Это существенно ограничивает перспективу рассмотрения в качестве регуляторов политической конкуренции субъектов, которые в силу своего конституционно-правового статуса обладают реальными возможностями воздействия на политический рынок;

4. неоспоримая легитимность, основанная на признании со стороны общества возможности участия данного субъекта в регулировании политического рынка. Следует оговориться, что данное свойство не несет в себе правового содержания, поскольку является преимущественно политологической категорией, тем не менее ряд исследователей указывает на важность его учета. Так, Ю.А. Нисневич отмечает, что для достижения эффективности система государственной власти «должна согласованно проводить единую и в достаточной мере положительно воспринимаемую обществом государственную политику» (Нисневич 2009а: 7).

Приведенные выше свойства, вне всяких сомнений, не являются исчерпывающими. Необходимо отдельное исследование пределов регулирования политической сферы, анализ проблем юридической ответственности за нарушение правил политической конкуренции и т.д. Кроме того, требуется проведение *комплексного методологического и политико-правового анализа самого предмета регулирования*. Следует признать, что на сегодняшний день в юридической науке отсутствует понимание правовой природы и содержания не только политической конкуренции, но и таких связанных с ней категорий (конструкций), как «политический рынок», «недобросовестная политическая конкуренция», «политический монополизм», «доминирующее положение» и др.

С правовой точки зрения социальная полезность и эффективность регулирования политической конкуренции зависят от определения оптимальной модели правового воздействия на политический рынок. При анализе перспективы регулирования политической конкуренции необходимо опираться на объективные признаки и закономерности, **отличающие конкурентную борьбу в политике от борьбы на товарном рынке**. Так, следует рассматривать *власть как особый объект конкурентной борьбы*, который, в отличие от объекта на товарном рынке, не имеет стоимостной оценки; *обмен*, выступающий ключевым признаком товарного рынка, в политике *является условным понятием и не обладает универсальностью*; на политическом рынке отсутствуют выработанные подходы *к оценке доминирующего положения* и т.д. Важно понимать, что далеко не все политические отношения, в том числе возникающие в рамках конкурентной борьбы, регламентируются правом или опосредованы им. Это объясняется стихийностью самого феномена конкуренции, во многом обусловленной неопределенностью исхода соревновательного процесса. В связи с этим *реальная политическая конкуренция, на наш взгляд, лишь частично может быть обеспечена правовыми средствами*, что не исключает использования имеющихся возможностей для формирования комплексного подхода к юридической защите прав и интересов всех участников политических отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Афонцев С.А. 2014. Политические рынки и экономическая политика. Москва : Ленанд. 380 с.
- Бурдые П. 1993. Социология политики : пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. Москва : Socio-Logos. 336 с.
- Васильева С.В. 2012. Политическая конкуренция в теории и действии: к вопросу о сложности ее правовых оценок // Сравнительное конституционное обозрение. № 1. С. 16-24.
- Вебер М. 2016. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : В 4 т. / сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина. Москва : Издат. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики. 445 с.
- Володина С.В. 2015. Многопартийность как основа конституционного строя России : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 180 с.
- Гэлбрейт Д.К. 1976. Экономические теории и цели общества. Москва : Прогресс. 408 с.
- Дилигенский Г.Г. 2000. О политическом рынке и рациональном выборе в российских условиях // Полис. Политические исследования. № 2. С. 105-107.
- Каплан Б. 2012. Миф о рациональном избирателе: почему демократии выбирают плохую политику / пер. с англ. Д. Горбатенко ; под ред. А. Куряева. Москва : ИРИСЭН : Мысль. 368 с.
- Кинзерская И.Л. 2009. Влияние электоральных институтов и практик на развитие политической конкуренции в России : дис. ... канд. полит. наук. Санкт-Петербург. 192 с.
- Крусс В.И. 2007. Теория конституционного правопользования. Москва : Норма. 752 с.
- Макарин А.В. 2016. Политическая конкуренция vs политическая стабильность в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Политология. Международные отношения. № 1. С. 28-39.
- Масленникова С.В. 2012. Политическая конкуренция как приоритетная сфера конституционной регуляции // Развитие России и конституционное строительство: теория, методология, проектирование : материалы Всерос. науч. конф. / ред. С.С. Сулакшин и др. Москва : Науч. эксперт. С. 260-266.
- Модель И.М., Привалов Н.Г. 2004. Политическая партия в поле квазирынка: (к постановке проблемы) // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Екатеринбург. Вып. 4. С. 203-226.
- Нежданов Д.В., Русакова О.Ф. 2011. «Политический рынок» как системообразующая метафора современного политологического дискурса // Полис. Политические исследования. № 4. С. 158-170.
- Нисневич Ю.А. 2009а. Роль конкуренции в обеспечении социально-политической стабильности и подавлении коррупции // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. № 3. С. 5-17.
- Нисневич Ю.А. 2009б. Свобода и конкуренция или коррупция? : препринт WP14/2009/01. Москва : Издат. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики. 68 с.
- Обухов Д.В. 2011а. Политическая конкуренция и политический рынок в пространстве социальной реальности // Теория и практика общественного развития. № 4. С. 38-40.
- Обухов Д.В. 2011б. Политический рынок современной России // Теория и практика общественного развития. № 5. С. 65-67.
- Олейнов А.Г. 2009. Политический процесс сквозь призму экономической науки: комплексный подход // Полис. Политические исследования. № 4. С. 53-71.

Оспанов Т.А. 2015. Политическая конкуренция в России: конституционно-правовые аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 265 с.

Радаев В.В. 2006. Что такое рынок: экономико-социологический подход // Экономическая социология. № 5. С. 14-27.

Совместные руководящие принципы Венецианской комиссии и БДИПЧ/ОБСЕ по регулированию деятельности политических партий. 2-е изд. (Guidelines on Political Party Regulation, 2nd ed.), от 14 декабря 2020 г. № CDL-AD (2020) 032. 92 с. URL: [www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2020\)032-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2020)032-e) (дата обращения: 15.12.2021).

Шилов В.Н. 2013. Управление политической конкуренцией в современной России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Via in tempore. История. Политология. № 25 (144). С. 167-174.

Barro R. 1973. The control of politicians: An economic model // Public Choice. Vol. 14. P. 19-42.

Biezen I. van, Rashkova E.R. 2014. Detering new party entry? The impact of state regulation on the permeability of party systems // Party Politics. Vol. 20, iss. 6. P. 890-903. DOI 10.1177/1354068812458616

Bischoff C.S. 2006. Political competition and contestability – A study of the barriers to entry in 21 democracies. Florence, European University Institute. EUI PhD theses, Department of Political and Social Sciences. 384 p. URL: <http://hdl.handle.net/1814/7031> (дата обращения: 15.12.2021).

Diamond L.J. 2002. Thinking About Hybrid Regimes // Journal of Democracy. Vol. 13, iss. 2. P. 21-35. DOI 10.1353/jod.2002.0025

Giebler H. et al. 2021. The changing meaning of left and right: supply – and demand-side effects on the perception of party positions / H. Giebler, T.M. Meyer, M. Wagner // Journal of Elections, Public Opinion and Parties. Vol. 31, iss. 2. P. 243-262. DOI 10.1080/17457289.2019.1609001

Gross D.A., Goidel R.K. 2003. The states of campaign finance reform. Columbus : Ohio State Univ. Press. 208 p.

Khemani S. 2017. Demand and Supply Curves in Political Markets: Understanding the Problem of Public Goods and Why Governments Fail Them / World Bank. Washington, DC. 56 p. (Policy Research Working Paper ; № 8213). URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/28548> License: CC BY 3.0 IGO (дата обращения: 15.12.2021).

O'Cass A. 1996. Political Marketing and the Marketing Concept // European Journal of Marketing. № 30 (10/11). P. 37-53. DOI 10.1108/03090569610149782

Stigler G.J. 1972. Economic Competition and Political Competition // Public Choice. Vol. 13, iss. 1. P. 91-106. DOI 10.1007/BF01718854

Wheatley J., Mendez F. 2021. Reconceptualizing Dimensions of Political Competition In Europe: A Demand-side Approach // British Journal of Political Science. Vol. 51, iss. 1. P. 40-59.

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года). URL: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 10.03.2021).

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 1.

Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.

Федеральный закон от 27 декабря 2005 г. № 196-ФЗ «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 1. Ст. 7.

Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 3434.

Конституционный акт Дании 1953 года // Официальный сайт парламента Дании (фолькетинга) (английская версия). URL: <https://www.thedanishparliament.dk/en/democracy/the-constitutional-act-of-denmark> (дата обращения: 15.12.2021).

Конституция Чешской Республики 1993 г. (в ред. конституционных законов № 347/1997 Sb., 300/2000 Sb., 448/2001 Sb., 395/2001 Sb., 515/2002 Sb., 319/2009 Sb., 71/2012 Sb. и 98/2013 Sb) // Официальный сайт Палаты депутатов парламента Чешской Республики (английская версия). URL: public.psp.cz/en/docs/laws/constitution.html (дата обращения: 15.12.2021).

Конституция Франции 1958 г. (в ред. Конституционного закона от 23 июля 2008 г. № 724) // Официальный сайт Конституционного совета Франции (английская версия). URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/en/constitution-of-4-october-1958> (дата обращения: 15.12.2021).

Основной закон для Федеративной Республики Германия 1949 г. (с учетом поправок к Основному закону от 29 сентября 2020 г.) // Официальный сайт Федерального министерства юстиции и защиты прав потребителей Германии (английская версия). URL: www.gesetze-im-internet.de/englisch_gg/englisch_gg.html#p0210 (дата обращения: 15.12.2021).

References

Afontsev S.A. *Political markets and economic policy*, Moscow, Lenand, 2014, 380 p. (in Russ.).

Barro R. The control of politicians: An economic model, *Public Choice*, 1973, vol. 14, pp. 19-42.

Biezen I. van, Rashkova E.R. Deterring new party entry? The impact of state regulation on the permeability of party systems, *Party Politics*, 2014, vol. 20, iss. 6, pp. 890-903. DOI 10.1177/1354068812458616

Bischoff C.S. *Political competition and contestability – A study of the barriers to entry in 21 democracies*. Florence, European University Institute. EUI PhD theses, Department of Political and Social Sciences, 2006, 384 p., available at: <http://hdl.handle.net/1814/7031> (accessed December 15, 2021).

Basic Law for the Federal Republic of Germany, 1949. (Amended by the Basic Law of September 29, 2020), Official website of the German Federal Ministry of Justice and Consumer Protection (English version), available at: www.gesetze-im-internet.de/englisch_gg/englisch_gg.html#p0210 (accessed December 15, 2021).

Bourdieu P. *Sociology of Politics*, Moscow, Socio-Logos, 1993, 336 p. (in Russ.).

Caplan B. *The Myth of the Rational Voter: Why Democracies Choose Bad Policies*, Moscow, IRISEN, Mysl', 2012, 368 p. (in Russ.).

Code of Administrative Procedure of the Russian Federation of No. 21-FZ dated March 08, 2015, *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2015, no. 10, art. 1391. (in Russ.).

Code of the Russian Federation on Administrative Offences of December 30, 2001 No. 195-FZ, *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2002, no. 1, art. 1. (in Russ.).

Constitution of the Czech Republic 1993 (Amended by Constitutional Acts No. 347/1997 Sb., 300/2000 Sb., 448/2001 Sb., 395/2001 Sb., 515/2002 Sb., 319/2009 Sb., 71/2012 Sb. and 98/2013 Sb.), Official website of the Chamber of Deputies of the Parliament of the Czech Republic, available at: public.psp.cz/en/docs/laws/constitution.html (accessed December 15, 2021).

Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993), available at: <https://base.garant.ru/10103000/> (accessed March 10, 2021). (in Russ.).

Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996, *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 1996, no. 25, art. 2954. (in Russ.).

Diamond L.J. Thinking About Hybrid Regimes, *Journal of Democracy*, 2002, vol. 13, iss. 2, pp. 21-35. DOI 10.1353/jod.2002.0025

Diligenskiy G.G. On the Political Market and Rational Choice in Russian Conditions, *Polis. Political Studies*, 2000, no. 2, pp. 105-107. (in Russ.).

Federal Law No. 135-FZ of July 26, 2006 "On Protection of Competition", *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2006, no. 31, art. 3434. (in Russ.).

Federal Law No. 196-FZ of December 27, 2005 "On Parliamentary Investigation of the Federal Assembly of the Russian Federation", *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2006, no. 1, art. 7. (in Russ.).

Federal Law No. 67-FZ of June 12, 2002 "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right of Citizens of the Russian Federation to Participate in a Referendum", *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2002, no. 24, art. 2253. (in Russ.).

Galbraith J.K. *Economics and the Public Purpose*, Moscow, Progress, 1976, 408 p. (in Russ.).

Giebler H., Meyer T.M., Wagner M. The changing meaning of left and right: supply – and demand-side effects on the perception of party positions, *Journal of Elections, Public Opinion and Parties*, 2021, vol. 31, iss. 2, pp. 243-262. DOI 10.1080/17457289.2019.1609001

Gross D.A., Goidel R.K. *The states of campaign finance reform*, Columbus, Ohio State Univ. Press, 2003, 208 p.

Joint Guidelines of the Venice Commission and OSCE/ODIHR on Political Party Regulation, adopted by the Venice Commission at its 125th Plenary online session (11-12 December 2020), CDL-AD (2020)032-e, 92 p., available at: [www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2020\)032-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2020)032-e) (accessed December 15, 2021). (in Russ.).

Khemani S. *Demand and Supply Curves in Political Markets: Understanding the Problem of Public Goods and Why Governments Fail Them*, World Bank, Washington, DC, 2017, 56 p. (Policy Research Working Paper ; № 8213), available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/28548> License: CC BY 3.0 IGO (accessed December 15, 2021).

Kinzerskaya I.L. *The Influence of Electoral Institutions and Practices on the Development of Political Competition in Russia: dissertation*, St.-Petersburg, 2009, 192 p. (in Russ.).

Kruss V.I. *The Theory of Constitutional Legal Use*, Moscow, Norma, 2007, 752 p. (in Russ.).

Makarin A.V. Political Competition and Political Stability in Contemporary Russia, *Vestnik of Saint Petersburg University. Political Science. International Relations*, 2016, no. 1, pp. 28-39. (in Russ.).

Maslennikova S.V. Political Competition as a Priority Area of Constitutional Regulation, S.S. Sulakshin et al. (eds.) *Razvitie Rossii i konstitutsionnoe stroitel'stvo: teoriya, metodologiya, proektirovanie : materialy Vseros. nauch. konf.*, Moscow, Nauchniy ekspert, 2012, pp. 260-266. (in Russ.).

Model I.M., Privalov N.G. Political Party in the Field of the Quasimarket: (to the Formulation of the Problem), *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, Yekaterinburg, 2004, Iss. 4, pp. 203-226. (in Russ.).

Nezhdanov D.V., Rusakova O.F. “Political Market” as a Backbone Metaphor of Modern Political Science Discourse, *Polis. Political Studies*, 2011, no. 4, pp. 158-170. (in Russ.).

Nisnevich Yu.A. *Freedom and Competition or Corruption?* : preprint WP14/2009/01, Moscow, Izdatel'skiy dom Gosudarstvennogo universiteta – Vysshey shkoly ekonomiki, 2009, 68 p. (in Russ.).

Nisnevich Yu.A. The Role of Competition in Ensuring Socio-Political Stability and Suppressing Corruption, *RUDN Journal of Political Science*, 2009, no. 3, pp. 5-17. (in Russ.).

Obukhov D.V. Political Market of Modern Russia, *Theory and Practice of Social Development*, 2011, no. 5, pp. 65-67. (in Russ.).

Obukhov D.V. Vladimirovich Political Competition and Political Market in Space of Social Reality, *Theory and Practice of Social Development*, 2011, no. 4, pp. 38-40. (in Russ.).

O'Cass A. Political Marketing and the Marketing Concept, *European Journal of Marketing*, 1996, no. 30 (10/11), pp. 37-53. DOI 10.1108/03090569610149782

Oleynov A.G. Political Process Through the Prism of Economic Science: an Integrated Approach, *Polis. Political Studies*, 2009, no. 4, pp. 53-71. (in Russ.).

Ospanov T.A. *Political Competition in Russia: Constitutional and Legal Aspects: dissertation*, Moscow, 2015, 265 p. (in Russ.).

Radaev V.V. What is a Market: Economic and Sociological Approach, *Journal of Economic Sociology*, 2006, no. 5, pp. 14-27. (in Russ.).

Shilov V.N. Management of political competition in modern Russia, *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Via in tempore. Istoriya. Politologiya*, 2013, no. 25(144), pp. 167-174. (in Russ.).

Stigler G.J. Economic Competition and Political Competition, *Public Choice*, 1972, vol. 13, iss. 1, pp. 91-106. DOI 10.1007/BF01718854

The Danish Constitutional Act of 1953, Official website of the Danish Parliament (Folketinget) (English version), available at: <https://www.thedanishparliament.dk/en/democracy/the-constitutional-act-of-denmark> (accessed December 15, 2021).

The French Constitution of 1958. (Amended by Constitutional Law No. 724 of July 23, 2008), Official website of the Constitutional Council of France, available at: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/en/constitution-of-4-october-1958> (accessed December 15, 2021).

Vasilyeva S. Political competition in theory and action: issues of the difficulty of its legal assessment, *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie (Comparative Constitutional Review)*, 2012 no. 1, pp. 16-24. (in Russ.).

Volodina S.V. *The Multiparty System as the Basis of the Constitutional System of Russia: Dissertation*, Saratov, 2015, 180 p. (in Russ.).

Weber M. *Economy and society*, Moscow, Izdatel'skiy dom Gosudarstvennogo universiteta – Vysshey shkoly ekonomiki, 2016, 445 p. (in Russ.).

Wheatley J., Mendez F. Reconceptualizing Dimensions of Political Competition In Europe: A Demand-side Approach, *British Journal of Political Science*, 2021, vol. 51, iss. 1, pp. 40-59.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Норик Ашотович Галстян

аспирант Аспирантской школы по праву Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» г. Москва, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5738-8892>;
ResearcherID: AAB-3774-2022;
SPIN-код: 2199-6279;
E-mail: ngalstyan@hse.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Norik A. Galstyan

Graduate student, Doctoral School of Law, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5738-8892>;
ResearcherID: AAB-3774-2022;
SPIN-код: 2199-6279;
E-mail: ngalstyan@hse.ru